

Часть 1

Качи Широкуса была широко известна как талантливая девушка.

Старшеклассница, но в то же время и автор. Одного этого было бы уже достаточно, но она еще и отличница, что являлось ощутимым бонусом.

Люди объясняли это ее незаурядными умственными способностями.

Но это было не так. Широкуса ни в коем случае не была глупой, но она не особо выделялась среди других сверстников.

Наверное, я был единственным в классе, кто это понимал.

«Ух ты, восхитительно! Так красиво! Я никогда в жизни не видел более совершенного конспекта!»

Я вспомнил тот день, когда начался наш второй учебный год, и я впервые узнал, что мы с Широкусой теперь учимся в одном классе. В нашем новом классе Широкуса, естественно, сразу стала центром внимания.

В прошлом году нам всем доводилось слышать о ее холодности, строгости и о том, что она предпочитает одиночество, но это пока были только слухи. Теперь, когда она немного сблизилась с нами, став нашей одноклассницей, большинство из нас подумало, что стоило попытаться привлечь ее внимание.

Однако не все это внимание было положительным. Часть его возникла на почве зависти, примером чего являлась одна из наиболее напористых девочек в нашем классе, всматривающаяся в конспект Широкусы.

— Эй, дай мне списать их перед тестом. Ты ведь не против?

От нее разило фамильярностью, несмотря на то, что она почти никогда не общалась с Широкусой. Она была настолько дерзкой, что я сам разозлился, когда услышал ее.

Широкуса молча поднялась со своего места.

А потом без колебаний... небрежно разорвала свои идеально составленные конспекты в клочья.

Звук рвущейся бумаги казалось заморозил все вокруг и заставил пробежать мурашки по моей спине.

Пока мы все стояли в немом изумлении, Широкуса сдула свои записи, которые уже превратились в макулатуру, в сторону одноклассницы.

— Извините, я не могу позволить вам скопировать их, потому что я их только что потеряла. Это же мои конспекты, так что я могу без проблем делать с ними все, что захочу, верно? Или что? Может, вы паразит, живущий лишь тем, что высасывает сладкий нектар из других людей?

Это была ужасно угрожающая насмешка.

— Ты дура, или как? — невнятно огрызнулась одноклассница, отступая в приступе ярости. Широкуса, возможно, ощущая некий дискомфорт, безразлично сунула свои разорванные записи в одноразовый пакет, взятый из круглосуточного магазина, взяла свою сумку и просто ушла домой, хотя это и был всего лишь обеденный перерыв.

В тот момент я уже был влюблен в Широкусу и иногда общался с ней по дороге домой после школы. Будучи неспособным проигнорировать ее уход, я придумал случайный предлог, чтобы тоже уйти пораньше и тайком последовать за ней.

На самом деле, Широкуса так и не пошла домой, а вместо этого направилась в библиотеку. Найдя неприметное место, она открыла новенькую тетрадь, которую купила где-то по дороге. Вместе с тем она также достала те самые порванные конспекты из своей сумки.

Эти клочки бумаги содержали различные заметки, сделанные во время уроков. Вероятно, она намеревалась перенести их в только что купленную тетрадь.

Из глаз Широкусы текли слезы, но ее механический карандаш и цветные ручки не переставали двигаться, пока она целеустремленно что-то строчила в тетради.

Я был потрясен ее необыкновенным упорством, силой воли и непоколебимой стойкостью перед лицом несправедливости.

Ее считали талантливой девушкой, способной абсолютно на все, но правда заключалась в том, что она достигла этого только благодаря тяжелой работе, несмотря на ее грубый и неуклюжий нрав. Было много разных способов сделать что-то, и пытаться изо всех сил с текущими из глаз слезами было действительно неловко.

Однако для меня эта ее неловкая форма была чрезвычайно красивой.

Вот почему я ...

.....

— А?

Я вскочил с кровати.

Из-за окна в комнату проникал щебет воробьев и несколько ярких солнечных лучей. Какое бодрящее утро.

Я открыл глаза, чтобы взглянуть на часы, и увидел, что на них было всего 7:15. Мой будильник должен был зазвонить только через пятнадцать минут.

— Хмм, я не просыпался раньше будильника с начальной школы...

И я знал причину.

Из-за моего разбитого сердца, боли и беспокойства, я совершенно не мог заснуть прошлой ночью. Мне, наконец, удалось заснуть примерно в то время, когда уже взошло утреннее солнце, но у меня и близко не было ничего похожего на нормальный сон. Независимо от того, насколько меня соблазняла месть Курохи, или того, насколько оптимистичнее я стал, я не был из тех, кто может сразу все забыть, как будто это ничего не значило.

— ... Черт!

Мои сны были довольно болезненными. Почему мне нужно было думать о том времени, когда я открыл для себя что-то хорошее в Широкусе, именно сейчас?!

Это было прекрасное воспоминание, но за один день оно превратилось в дерьмо. Под «Дерьмом» подразумевалось осознание того, насколько мерзким я был, думая про себя: «Хехе, только я знаю, насколько Широкуса прекрасная, никто другой этого не знает!», а также ревность, которую я испытал, когда сказал: «Если только я знал, насколько она прекрасна, почему же тогда она выбрала кого-то другого?».

— Почему это должен был быть этот ублюдок Абэ... — я взбесился, потому что у меня в голове возникло его лицо.

Абэ Мицуру был нашим семпаем с третьего курса, популярным парнем, дебютировавшим в качестве актера. Я не видел ничего необычного в том, что он был ярким, красивым и величавым персонажем, который появлялся в драмах.

Но его игра была чем-то совершенно иным.

«Эй, эй, ты уже видела? Драму, в которой играл Сэмпай.»

«Ага! Семпай был таким классным!»

«Да, семпай был таким изумительным перед всей этой публикой! Он такой красивый и у него такие хорошие актерские способности! Семпай действительно гений!»

Во всяком случае, девчонки из моего класса были в восторге, но, откровенно говоря, я думал, что его сценическое мастерство было отстойным. Я видел, как в интернете его называли продвинутым через связи или недостойным преемником. Поэтому я не мог быть единственным, кто придерживался такого мнения.

Из-за этого у меня изначально сложилось очень плохое впечатление об Абэ-семпае. Однако...

— Суехару, говоря это, ты будто завидуешь тому факту, что ты не так популярен, как он. Кстати говоря, разве семьи Абэ-семпая и Качи не дружат? Так вот почему... » — так говорил Тэтсухико, и, если честно, мне было бы трудно отрицать, что мое суждение было свободным от зависти или предвзятости.

Да-да, я знаю. Да и как я мог быть непредвзятым?

У Абэ-семпая было красивое лицо, родители актеры, деньги, хорошая родословная, а также, очевидно, хорошие оценки, впечатляющие спортивные данные и, в довершение всего, скромный характер.

Тэтсухико, конечно, тоже был красив, но принадлежал к более фривольной касте парней, интересующихся только такими же обычными девушками. Все это, в сочетании с тем фактом, что его отношения никогда не длились долго, мешало мне полностью его ненавидеть.

С другой стороны, Абэ-семпай был менее фривольным, более принце-подобным типом с честными глазами. Те парни, что были столь же красивы, как и Тэтсухико, не могли быть такими же популярными, как Абэ-семпай, по слухам имевший даже свой собственный фан-клуб в нашей школе.

Безупречный Адонис. Это был Абэ Мицуру.

(Прим. ред: Адониса можно погуглить. Персонаж древнегреческой мифологии. Непонятно чей сын. Славился своей красотой.)

— Черт возьми, даже я бы, наверное, мог...

Амбициозность слов, которые я только что бездумно произнес, шокировала даже меня самого.

Даже я бы мог... что?

Ответ был очевиден. Мне не нужно было долго думать над этим.

Я был обычным. У меня были посредственные оценки и спортивные показатели. Я не выглядел ни хорошо, ни плохо.

Хотя талант никоим образом и не определяет успех или неудачу в любви, преимущество в способностях или превосходство над другими людьми можно использовать как «оружие». Следуя этой аналогии, Абэ-семпай был игроком божественного уровня, имеющим несколько видов оружия, каждое из которых он хорошо умел использовать. Если бы у такого обычного меня был шанс сразиться с ним в бою, мне бы потребовалось другое «оружие», например, такое как... харизма, наверное, или чуткость. У меня их почти не было, но я считал нужным переоценить свои возможности.

Однако...

У меня было оружие, хотя я и избавился от него довольно давно. После длительного периода неиспользования я не был уверен, смогу ли сейчас управиться с ним.

Другими словами, это было то же самое, что вообще не иметь оружия.

Но что-то по-прежнему тяготило мое сердце. Я все еще ощущал горечь.

Я...

Я все еще мог это сделать? Смог бы я успеть?

Пока я колебался, сдавался и горевал, другие оставляли меня позади.

— ... не хочу больше проигрывать.

Вот как я бы описал свои настоящие чувства прямо сейчас, если бы мне пришлось выражать их словами.

Я не знал, что означают «победа» или «поражение».

Только ощущение «меня отвергли, а значит, я проиграл» переполняло меня. Я чувствовал, что потерпел сокрушительное поражение.

Но в то же время я все еще верил в то, что не мог проиграть, пока не приму поражение. Тем, что заставляло меня оглядываться на предложение Курохи о мести, были моя неспособность признать поражение и мое желание каким-то образом найти способ победить.

Мог ли я быть единственным человеком, который так думал? Нет, наверное, нет.

В смысле, моя первая любовь разбилась вдребезги! Вы бы тоже от такого расстроились, правда?

Я должен просто отступить, потому что мой соперник – красивый парень с деньгами, мозгами и некоторыми спортивными навыками?

Конечно же, нет! Быть обычным – совершенно не значит быть бездарностью! Обвинять во всем талант было бы лишь оправданием! Вот почему я никогда этого не говорил! И я все еще собираюсь найти способ победить!

Но как я собирался победить? Как бы я мог все изменить? Как же мне отомстить?

Я был идиотом, но все же знал, что именно мне нужно для победы.

В столкновении с противником не было никакой надежды на победу в лобовой атаке – это было бы не храбростью, а обычным безрассудством. В таких ситуациях целесообразнее было атаковать с тыла.

Сражаться на одном поле против такого противника – означало гарантировать себе поражение. Если бы мы с Абэ-семпаем соревновались, например, в том, как мы выглядим, я бы точно не выиграл. Следовательно, я должен был бросить ему вызов в том, на что он был неспособен.

У слабых есть свои способы борьбы. На удивление многое можно было сделать, если успокоиться и хорошенько надо всем поразмыслить.

Другими словами, проще говоря, решением было...

Не выбирать никакой метод вообще – вот каким оно было.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/30412/1234253>